

А БЫЛ ЛИ НЕВСКИЙ? ИДЕОЛОГИЯ И ПОЭТИКА РАССКАЗА В.М. ШУКШИНА «БЕСЕДЫ ПРИ ЯСНОЙ ЛУНЕ»

А.И. Куляпин

Ключевые слова: поэтика, художественный мир, характер, идентичность, менталитет.

Keywords: poetics, artistic world, character, identity, mentality.

DOI 10.14258/filichel(2021)2-10

Рассказ «Беседы при ясной луне» (1972), безусловно, можно отнести к числу программных произведений Шукшина, не случайно он дал заглавие последнему прижизненному сборнику писателя. Замысел рассказа возник на пересечении сразу нескольких магистральных для позднего Шукшина тем и ряда остроактуальных социально-политических проблем эпохи. Надо также учитывать, что специфика поэтики писателя предполагает обращение не только к психологии характера современника, но и к «сфере коллективного бессознательного, актуализируя национальную, историческую, философскую и мифологическую парадигмы» [Московкина, 2017, с. 52].

Значимость для отечественной истории брежневского периода «развитого социализма», так называемых долгих семидесятых, заключается в том, что эта эпоха «непосредственно предшествовала перестройке и, следовательно, крушению социалистической системы». Именно в это десятилетие, по авторитетному мнению Алексиса Береловича, сложились «те черты советской системы (как мы теперь знаем, обреченной на гибель), которые сохранились и при нынешней власти» [Берелович, 2003, с. 59]. Французский социолог особо подчеркивает, что «вся ситуация с понятием “развитой социализм” чрезвычайно важна, так как указывает на глубокие перемены в отношениях между властью и населением» [Берелович, 2003, с. 61].

Шукшин был далек от диссидентских настроений эпохи застоя, однако тщетность усилий по реформированию советской системы осознавал прекрасно. После 1968 года, когда надежды на построение социализма с человеческим лицом рухнули, он, как и многие другие его современники, прошел через полосу кризисов и разочарований. Тем более, по справедливому замечанию В. Коробова, «у Шукшина были личные счеты с советской властью» [Коробов, 2009, с. 406].

В 1972 году Шукшин делает рабочую запись, которую легко счесть идейным экстрактом рассказа «Беседы при ясной луне», написанного, как установил Л. Аннинский, весной того же года в больнице [Аннинский, 1993, с. 595]:

Ни ума, ни правды, ни силы настоящей, ни одной живой идеи!.. Да при помощи чего же они правят нами? Остается одно объяснение — при помощи нашей собственной глупости. Вот по ней-то надо бить и бить нашему искусству (В.М. Шукшин, 2014, т. 8, с. 317).

Шукшин отказывает в уме как верхам, так и низам. В рассказе «Беседы при ясной луне» дефицит интеллекта — также удел всех персонажей. В первую очередь, конечно, главного героя — старика Баева. Интеллектуальную ущербность людей этого типа удивительно точно характеризует фраза И. Канта из «Антропологии с прагматической точки зрения»: «Вообще глупый человек усматривает в вещах, а дурак — в самом себе больше ценности, чем следовало бы, если бы он был разумным» [Кант, 1999, с. 239].

Прожив серую, ничем не примечательную жизнь, в старости Баев запоздало, но упорно повел дело к тому, что он — редкого ума человек (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 37). О реальном уровне умственных способностей героя можно судить по той легкости, с какой его разыгрывают обитатели больничной палаты. Мало того, что Баев не чувствует подвоха в требовании собрать для анализов пузырек пота и девятьсот грамм калу, он еще рассказывает эту историю Марье Селезневой с целью извлечь из нее поучительный вывод и очень недоволен, *что из рассказа вышла одна комедия* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 40).

Запредельная глупость и отсутствие образования не помешали Баеву всю жизнь «проторчать» в конторе — *то в сельсовете, то в заготпушнине, то в колхозном правлении, в тепле да на почете* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 37, 43). Он не в меру гордится масштабом своей деятельности: *...ты подумай только, какие я дела пропускал через свои руки! Ведь меня ревизором в другие районы посылали! Еду, бывало, и думаю: знали бы они, что у меня всего-то полтора класса ЦПШ, как у нас шутил один: церковно-приходской школы. Полторы зимы побегал всего-то, а вы меня — на других ревизором!* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 42).

Главный предмет гордости для Баева — мошенническая проделка с молокопоставками. Умственная ограниченность не помешала ему выступить в качестве консультанта председателя исполкома. Представитель власти оказался еще менее сообразительным. Даже после того, как Баев наглядно объяснил главе района зависимость объема молокодачи от жирности молока, тот лишь *хлопает глазами: не пойму* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 39). Ему нужна прямая директива: *Снимайте <...>*

один процент жирности у всех — будет дополнительное молоко (Шукшин, 2014, т. 6, с. 39).

Хотя рассказ назван «Беседы при ясной луне», подлинно диалогические отношения между персонажами не складываются. Марья Селезнева — пассивный слушатель монолога старика Баева, причем она далеко не всегда понимает его: *Марья не сообразила пока; Марья все никак не могла уразуметь, как это они тогда выжили из положения с госпоставкамим-то; Дак чего, просто вот полежать, и все? — никак не могла взять в толк Марья; Как это? — не поняла Марья* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 39, 44).

Взаимонепонимание тотально. Собственно рассказ и начинается-то с недоразумения. Колхозное правление предлагает Марье «переквалифицироваться», а она *поняла это “переквалифицируйся” как шутку, как “перевались на другой бок”* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 37).

Герои рассказа, по сути, говорят на разных языках, им нужен переводчик, поскольку сами они плохо понимают речь собеседника. В вольном «переводе» Марьи «переквалифицируйся» означает «перевались на другой бок», «церковно-приходская школа» превращается в ЦППШ (т.е. в Центральную партийную школу), а Баев вообще временами готов перейти на странное русско-китайское наречие: *верхняя губа его уползала куда-то к носу, а глаза узились целками — так и казалось, что он сейчас скажет: “Сево?”* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 38).

Появление между соотечественниками языкового барьера закономерно. Это следствие потери идентичности: национальной, социальной и даже гендерной.

В облике, речах, ментальности Баева писатель делает акцент на чертах «нерусскости». Герой охарактеризован как человек «золотой середины»:

Незаметный был человек, никогда не высывался вперед, ни одной громкой глупости не выкинул, но и никакого умного колена тоже не загнул за целую жизнь. Так средним шажком отшагал шестьдесят три годочка, и был таков (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 37).

В рассказе «Наказ», написанном в том же 1972 году, Шукшин подобным образом определяет специфику характера европейца: *Немца, его как с малолетства на середку нацелили, так он живет всю жизнь — посередке. Ни он тебе не напьется, хотя и вытьет, и песню даже затынут... Но до края он ни-когда не дойдет. Нет* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 75).

Особенности русской ментальности противоположны, их Шукшин обозначил в наброске «Завидки» из цикла «Выдуманные рассказы», тоже предположительно датированного 1972 годом:

Завидки берут русского человека — меры не знает ни в чем, потому завидует немцу, французу, американцу.

Все было бы хорошо, говорит русский человек, если бы я меру знал. Меру не знаю. И зависть та тайная, в мыслях. На словах, вслух, он ругает всех и материт. И анекдоты рассказывает (В.М. Шукшин, 2014, т. 9, с. 64).

Процесс утраты национальной идентичности заходит у Баева настолько далеко, что он даже выдвигает гипотезу о своем американском происхождении: *А в кого я такой башковитый? Я вот думаю: мериканцы-то у нас тада рылись — искали чего-то в горах... Шут его знает! Они же... это... народишко верткий* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 42).

Принципиально важно, что элементы западного менталитета, такие как гипертрофированный рационализм, соседствуют в образе старика Баева с сугубо восточными чертами. Фамилия героя образована «от тюркского *бай* ‘богатый, богач, бай’ + русский суффикс *-ев*» [Баскаков, 1979, с. 244].

Впрочем, есть и другой вариант этимологии, пожалуй, даже точнее отражающий характер этого персонажа: «от глагола *баить* — говорить; от слов *краснобай*, т.е. болтун, любящий, как мы сейчас бы сказали, вешать лапшу на уши, сказывать байки — ‘выдумывать, фантазировать’. Вот такого “сказочника” и говоруна **Баевым** и прозвали» (выделено мною — А.К.) [Ведина, 2008, с. 130].

«Нерусскость» героя, конечно, не сводится к предложенной им анекдотической «американской» генеалогии. Это только вершина айсберга. Поразительна реакция Баева на главные исторические драмы XX века.

Марье разговор о молокопоставках навевает самые мрачные мысли: *Ох, тада и таска-али! — вспомнила Марья. — Бывало, подоишь — и все отнесешь. Ребятишкам по кружке нальешь, остальное — на молоканку: да ведь планы-то какие были... безобразные!* Примечательна та пауза, которая возникает перед эпитетом «безобразные». Марья не сразу находит хоть сколько-нибудь пристойное слово, чтобы определить беспредел властей. А для Баева — это самое дорогое воспоминание: *Ты вот слушай! — оживился Баев при воспоминании о давнем своем изобретательном поступке* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 38). По сути, Баев гордится тем, что нашел способ отобрать у детей и эту последнюю кружку молока.

Отечественную войну Баев называет «страшенной» и считает, что главная забота каждого, как бы не попасть на фронт, а для этого самое разумное: *прижухнуться и помалкивать, вроде тебя и на свете-то нету* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 40). В рамках такой системы ценностей не удивительно, что Баев не верит в существование Александра Невского, защищавшего русскую землю.

Еще более решительно отрекается Баев от своих крестьянских корней:

Вот чую сердцем: не крестьянского я замеса. Сроду меня не тянуло пахать или там сеять... — ни к какой крестьянской работе. И к вину никогда не манило. — Баев не то что оголтело утверждал, что он не крестьянского рода, а скорее размышлял и сомневался. — Ведь если так-то подумать: куда же это все во мне подевалось? Должен же я стремиться землю иметь или там... буяннить на праздники. Нет! В огороде своем собственном копать не люблю! Вот в конторе посиживать, это по мне...» (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 42).

В конторах Баев не работал, а «*всю свою жизнь проторчал*», «*посиживая*» в них он всего всего-навсего имитировал бурную деятельность: *...все кидал и кидал эти кругляшки на счетах, за целую жизнь, наверно, накидал их с большой дом* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 37). И ревизор Баев не настоящий. Он сам осознает это. «*Молчал уж...*» — замечает он по поводу отсутствия у него необходимого образования (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 42). Баев очень похож на псевдоревизора Хлестакова, который только в своем вымышленном мире «*может перестать быть самим собой, отделаться от себя, стать другим*» [Лотман, 1992, с. 345. Разрядка автора]. Ю.М. Лотман справедливо указывал на «*болезненный характер самоутверждения*» Хлестакова. Этот тезис вполне применим и к шукшинскому персонажу. К тому же его, как и Хлестакова, можно назвать самозванцем поневоле. Баев *поверил, что он, пожалуй, и впрямь мужик с головой*, лишь получив санкцию извне: *К концу-то огляделись — да он умница, этот Баев!* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 37).

Баев, разумеется, смешон, но в целом уникальной его жизненную ситуацию не назовешь. Собеседница Баева, переквалифицировавшаяся Марья, вообще теряет не только социальную, но и гендерную идентичность, вместо сугубо женской работы в детском садике она вынуждена *заместо мужика торчать ночами* в сторожке (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 43).

Марья в споре с Баевым приводит единственный пример успешной перемены социального статуса: *Вон Иван Козлов... Был простой солдат, а стал командиром. Орденов сколько, фотокарточку тада присылал, мы всей деревней смотреть бежали* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 43). В данном случае исключение действительно подтверждает правило. Во-первых, ордена еще не свидетельствуют о наличии офицерского звания, а во-вторых, преобразование солдата Ивана Козлова в какого-то непонятного «*командира*» происходит лишь в виртуальном фотомире. Из реплики Марьи ясно следует, что реального «*командира*» Ивана Козлова в селе так никто и не увидел.

Баев не ограничивается открытым отрицанием факта существования князя Александра Невского, весьма широк список исторических

персон, чье существование он отрицает неявно. Воспроизводя устойчивые элементы легендарных биографий выходцев из народа, Баев тут подвергает сомнению саму возможность появления одаренного человека в крестьянской среде: *Вот я про голову и говорю. Откуда она у меня, у крестьянского выходца?* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 43). Жизнеописание Баева — это последовательная деконструкция ломоносовского мифа.

Баев рисует перед Марьей типичную картину трудного детства талантливого самородка:

Что он, покойный родитель мой, делал со мной — это же ни пером описать, ни... как там говорится?... Уму непостижимо, что он вытворял, чтоб я только в школу не ходил. А мне страсть как учиться хотелось. Тада же ишо приходская школа-то была... Батюшка-то к родителю ходил: способный, мол, парнишка, пускай ходит. Ну! Родителю моему только... Грех поминать нехорошо, но и... тоже... Как я только ни просил: в ногах у него валялся, ревя ревел — отпустите в школу! Закинет пимы на полати, и все. Сиди за печью, гложи ногу овечью — вот весь сказ родительский. Эх-х!.. — Баев еще помолчал горестно. — Дак я, когда все поснут, лучинку зажгу, бывало, в уголок на печке забьюсь да по складам читаю. Да по всей ноченьке так-то — вот они, глаза-то, и сели (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 41).

Примерно так же повествовал о своем детстве в письме к И. И. Шувалову М. В. Ломоносов: «...Имеючи отца по натуре доброго человека, но в крайнем невежестве воспитанного <...> многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных местах и терпеть стужу и голод» [Ломоносов, 1957, с. 481–482].

Близкий набор мотивов присутствует в автобиографической трилогии М. Горького: «Огня мне не давали, <...> тогда я стал тихонько собирать сало с подсвечников, складывал его в жестянку из-под сардин, подливал туда лампадного масла и, скрутив светильню из ниток, зажигал по ночам на печи дымный огонь.

Когда я перевертывал страницу огромного тома, красный язычок светильни трепетно колебался, грозя погаснуть, светильня ежеминутно тонула в растопленной пахучей жидкости, дым ел глаза, но все эти неудобства исчезали в наслаждении, с которым я рассматривал иллюстрации и читал объяснения к ним» (М. Горький, 1972, с. 348).

У самого Шукшина детская увлеченность книгой принимала порой крайние формы. Сестра писателя вспоминает: «Читал днем и ночью. Даже умудрялся читать при лунном свете или с жировухой. Наливал во флакончик жира, протягивал веревочку (фитилек) через картофельный пластик, укрывался одеялом с головой и читал. А однажды заснул

с этим горящим фитильком и чудом не задохнулся. Но одеяло все-таки прожег» [Зиновьева, 1999, с. 430].

Источник незаурядных способностей Баева, по его собственному мнению, в редкостной наблюдательности:

Я вот, как себя помню, всегда был очень наблюдательный. Ишо карапуз был, а, бывало, зайду по колена в воду — озерко за деревней было, помнишь? Раменское называлось — залезу и стою. По полдня торчал неподвижно — наблюдал, чего в воде происходит. Это уж от бога. Это уж не от людей. От родителя моего я мог только пинка получить за место совета разумного (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 42).

В этом аспекте шукшинский герой также копирует Ломоносова. На феноменальную наблюдательность первого русского академика обращали внимание многие историки науки. Так, И.С. Мелехов в статье «М.В. Ломоносов и истоки науки о лесе и лесного образования в России» отмечает: «Природная наблюдательность М.В. Ломоносова, впечатления детства, проведенного на севере среди рек, лугов, лесов, а также совершенные в это время дальние поездки в море, знание северного народа, его вековой мудрости позволили Ломоносову впоследствии дать в своих сочинениях, хотя и попутно, ряд четких определений и описаний, касающихся северной растительности» [Мелехов, 2001, с. 11].

В отличие от Ломоносова Баев наблюдает за пустотой, соответственно никакой научной ценностью его наблюдения не обладают. Сущность этого героя — пустота.

В романе «Пушкинский дом» (закончен в 1971 году) А. Битов дал глубокое определение современности — «наше ненастоящее время» [Битов, 1990, с. 346]. Происходящее в романе лучше всего отражает процитированная автором «Пушкинского дома» строчка из стихотворения А. Кушнера: «Подмен неслыханный притон!» [Битов, 1990, с. 214].

Художественный мир рассказа «Беседы при ясной луне» в не меньшей мере, чем Битовский, симулятивен. Молоко с личных подворий без всяких проблем выдается здесь за госпоставки: *Было бы молоко, в бумагах его как хошь можно провести* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 39). Мнимый больной Баев оказывается в больнице своей мечты, про которую слышал, что уход там какой-то особенный, но никакого такого ухода <...> там не обнаружил, лечения, естественно, тоже (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 40). Парикмахерская в рассказе — с легкостью трансформируется в сторожку: *Марья сидела ночью в парикмахерской, то есть днем это была парикмахерская, а ночью там сидела Марья* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 37). Но парикмахерская — это еще и псевдом: *В избушке, где была парикмахерская, едко, застояло пахло одеколо-*

ном, было тепло и как-то очень уютно (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 38). В сторожке-парикмахерской герои обретают то тепло и уют, которого нет в их настоящих домах. И это при том, что главным достижением в жизни Баева односельчане считают *домок крестовый*.

Дом у Шукшина никогда не рассматривается только как материальный объект, это всегда еще и идея, что недвусмысленно выделено в монологе главного героя: *Какой же умный хозяин примется рубить дом, если заранее не прикинет, сколько у него есть чего. В учетном деле и называется — смета. А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом — широко жить собрался, а умишка, глядишь, — на пятистенок едва-едва. Просадит силенки до тридцати годов, нашумит, наорется, а дальше — пишик* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 38). Баев прозрачно намекает на правильность своей жизненной стратегии, ведь ему-то крестовый дом построить удалось, однако очевидно, что словечко «пишик», означающее «ничто», «пустота», как нельзя лучше описывает бесцветное существование его самого. С детства придерживаясь принципа «не высываться» (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 37), Баев словно и не жил вовсе. Его совет оставленным в тылу механизаторам: *...тут надо прижухнуться и помалкивать, вроде тебя и на свете-то нету* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 40), — самое точное выражение собственного жизненного кредо. Односельчане, оценивая успешность Баева, используют странную, но, в сущности, верную формулу: *Так средним шажком отшагал шестьдесят три годочка, и был таков* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 37). Получается, что еще живого, более того, *нацеленного еще на двадцать лет осмеченной жизни* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 38) Баева уже *вроде и на свете-то нету*. Сам он о сорвавшем план молокопоставок председателе исполкома Неверове говорит: *ему хоть это... хоть живым в могилу зарывайся* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 38). Хорошо известен фразеологизм «Хоть в гроб ложись» — о безвыходном, очень тяжелом положении» [Фразеологический словарь, 2004, с. 288]. Герой Шукшина усиливает сходное по смыслу выражение, добавив в него — «живым». Это, в общем-то, лишнее определение как раз призвано подчеркнуть, что граница между (псевдо)жизнью и смертью в мире рассказа практически стерлась.

Мир иллюзорен настолько, что персонажи рассказа не могут отличить день от ночи, луну от солнца. Показательно, что Марью эта путаница нисколько не удивляет: *Они, ночи-то, вон какие светлые. Наверно, соскочил со сна-то — видит, светло, и дунул в сельмаг* (В.М. Шукшин, 2014, т. 6, с. 45).

Пейзаж в рассказе откровенно условен. Причем если в начале писатель всего лишь использует эффектное театральное сравнение (*луну точно на веревке спускали сверху*); то в финальной фразе (*И висит на веревке луна*) сценичность пространства уже просто констатируется как данность.

В статье, посвященной анализу рассказа Шукшина «Штрихи к портрету» (1973), О.А. Скубач приходит к обобщающему выводу: «В рассказах конца 60-х — начала 70-х гг. креативные амбиции, “серьезный” семиозис, — будь то философия (“Штрихи к портрету”), идеология (“Ораторский прием”), искусство (“Пьедестал”) и т. д., — отданы на откуп героя, становятся целиком его прерогативой, в то время как автор, снявший с себя, таким образом, всякую ответственность за появление в собственном тексте символа, занят исключительно тем, что дискредитирует семиотические претензии героя, не позволяя читателю поверить в окончательное обретение смысла» [Скубач, 2002, с. 72].

Этот тезис, вне всякого сомнения, сохраняет актуальность и по отношению к рассказу «Беседы при ясной луне». По существу герои поздних произведений Шукшина живут не столько в мире символов, сколько в мире симулякров — знаков без отношения к референту. По Бодрийяру, «симуляция <...> ставит под сомнение различие между “истинным” и “ложным”, между “реальным” и “воображаемым”», «исходит из утопичности принципа эквивалентности, из радикальной негации знака как ценности» (курсив мой. — А.К.) [Бодрийяр, 2015, с. 8, 12]. Советская культура 1970-х годов отказалась от шестидесятнических попыток найти единственно верную Правду. Не приходится удивляться тому, что и Шукшин в последние годы жизни создает тексты, в которых господствуют симулякры. Это вполне в духе времени.

Библиографический список

- Аннинский Л. Комментарии // Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М., 1993.
- Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- Берелович А. Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 4(66).
- Битов А. Г. Пушкинский дом : роман. М., 1990.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015.
- Ведина Т. Ф. Энциклопедия русских фамилий. М., 2008.
- Зиновьева Н. Наш дом у горы Пикет // Шукшин В. М. Надеюсь и верую: Рассказы. Киноповесть «Калина красная». Письма. Воспоминания. М., 1999.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 7. М., 1994.

Коробов В.И. Василий Шукшин: Вещее слово. 2-е изд. М., 2009.

Ломоносов М.В. Письмо к И. И. Шувалову 31 мая, 1753 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 10. Служебные документы. Письма. М. ; Л., 1957.

Лотман Ю.М. О Хлестакове // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.

Мелехов И.С. М.В. Ломоносов и истоки науки о лесе и лесного образования в России // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 2001. № 3.

Московкина Е.А. «Русский человек на rendez-vous»: конфликт мужского и женского в рассказах В. М. Шукшина // Филология и человек. 2017. № 3.

Скубач О.А. Штрихи к портрету ускользающего смысла. Рассказ В. М. Шукшина в свете особенностей творческой манеры писателя // Известия Алтайского гос. ун-та. 2002. № 3.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. Т. 1. М., 2004.

Источники

Горький М. В людях // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 15. М., 1972.

Шукшин В. М. Собрание сочинений : в 9 т. Барнаул, 2014.

References

Anninskiy L. *Kommentarii* [Comments]. In: *Shukshin V.M. Sobraniye sochineniy* [Shukshin V.M. Collected works]. Vol. 3. Moscow, 1993.

Baskakov N.A. *Russkiye familii tyurkskogo proiskhozhdeniya* [Russian surnames of Turkic origin]. Moscow, 1979.

Berelovich A. *Semidesyatyye gody XX veka: replika v diskussii* [Seventies of the XX century: a replica in the discussion]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion]. 2003. No 4(66).

Bitov A.G. *Pushkinskiy dom: Roman* [Pushkin House: Novel]. Moscow, 1990.

Bodriyyar ZH. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Moscow, 2015.

Vedina T.F. *Entsiklopediya russkikh family* [Encyclopedia of Russian surnames]. Moscow, 2008.

Zinov'yeva N. *Nash dom u gory Piket* [Our house at the Piket mountain]. In: Shukshin V.M. *Nadeyus' i veruyu: Rasskazy. Kinopovest' «Kalina krasnaya». Pis'ma. Vospominaniya* [I hope and believe: Stories. Film story "Kalina Krasnaya". Letters. Memories]. Moscow, 1999.

Kant I. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a pragmatic point of view]. In: Kant I. *Sochineniya*. [Works: in 8 volumes]. Vol. 7 Moscow, 1994.

Korobov V. I. *Vasiliy Shukshin: Veshcheye slovo* [Vasily Shukshin: the Prophetic word]. Moscow, 2009.

Lomonosov M.V. *Pis'mo k I. I. Shuvalovu 31 maya, 1753 goda* [Letter to I. I. Shuvalov on May 31, 1753]. In: *Lomonosov M.V. Polnoye sobraniye sochineniy: v 11 t. T. 10. Sluzhebnyye dokumenty. Pis'ma* [Complete works]. Vol. 10. Service documents. Letters. Moscow ; Leningrad, 1957.

Lotman YU.M. *O Khlestakove* [About Khlestakov]. In: *Lotman YU.M. Izbrannyye stat'i. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles]. Vol. 1. Tallinn, 1992.

Melekhov I.S. *M.V. Lomonosov i istoki nauki o lese i lesnogo obrazovaniya v Rossii* [M.V. Lomonosov and the origins of the science of forest and forest education in Russia]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Lesnoy zhurnal* [News of higher educational institutions. Forest Journal]. 2001. No 3.

Moskovkina Ye.A. «*Russkiy chelovek na rendez-vous*»: konflikt muzhskogo i zhenskogo v rasskazakh V.M. Shukshina ["The Russian man on rendez-vous": the conflict of male and female in V. M. Shukshin's stories]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. No 3.

Skubach O.A. *Shtrikhi k portretu uskol'zayushchego smysla. Rasskaz V. M. Shukshina v svete osobennostey tvorcheskoy manery pisatelya* [Strokes for a portrait of elusive meaning. V.M. Shukshin's story in the light of the peculiarities of the writer's creative manner]. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University]. 2002. No 3.

Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Vol. 1. Moscow, 2004.

List of sources

Gor'kiy M. *V lyudyakh* [In people]. In: *Gor'kiy M. Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvennyye proizvedeniya* [Gorky M. Complete Works. Works of art]. Vol. 15. Moscow, 1972.

Shukshin V.M. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. In 9 volumes. Barnaul, 2014.